

КОНФЛИКТЫ ПРАВОВЫХ ИДЕЙ И КОНЦЕПЦИЙ: КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ¹

Аннотация. В юридической сфере конфликт нередко начинается с конфликта правовых идей и концепций, которые можно определить как противоречие в правовой системе, выражающееся в противопоставлении одних правовых идей и концепций другим. Влияние конфликтов правовых идей и концепций особенно сильно в обществах, которые можно отнести к «идеократическим». В статье рассматриваются основные характеристики конфликтов правовых идей и концепций, уровни подобных конфликтов, возможные причины, их конструктивные и деструктивные аспекты. Отмечается, что если некоторые идеи и концепции могут более или менее удачно сосуществовать, то другие по своей природе вынуждены конкурировать за право стать доминирующими. В качестве характерного примера в статье рассматривается конфликт правовых идей о том, к какой правовой системе относятся страны постсоветского пространства. Рассматривается конкуренция на постсоветском пространстве идей о следующих правовых семьях: романо-германской правовой семье, англосаксонской правовой семье, славянской правовой семье, постсоветской правовой семье, правовой семье мусульманского права, византийской правовой семье, евразийской правовой семье. Как пример конфликта правовых идей и концепций на фундаментальном научном уровне рассматривается конкуренция правовых парадигм. Предлагается авторская классификация правовых парадигм на нормативизм и метанормативизм, обосновывается наличие парадигмального вопроса, в зависимости от ответа на который определяется принадлежность той или иной правовой идеи или концепции к правовой парадигме. В свете развиваемой автором концепции правовых парадигм и их конкуренции рассматривается проблематика интегративной концепции правопонимания. В статье предлагаются два основных способа разрешения конфликтов правовых идей и концепций — либо из конкурирующих концепций выбирается та, которая имеет наибольший конструктивный потенциал, либо на базе конкурирующих концепций вырабатывается новая концепция, соединяющая в себе наиболее позитивные черты всех конкурирующих концепций. Обосновывается, в частности, что концепцией, способной консолидировать современное российское общество, примирить либеральные и консервативные векторы его развития, может стать концепция «прогрессивного консерватизма», или своего рода «ретрофутуризм» на новый лад. Эта идеология подразумевает всестороннее инновационное развитие экономики и современных технологий («формы» социальной жизни) при сохранении традиционного, консервативного подхода к социальным и духовным ценностям («сути» социальной жизни).

Ключевые слова: юридический конфликт, конфликты правовых идей и концепций, правовые системы постсоветского пространства, проблемы правопонимания, правовые парадиг-

¹ Статья основана на докладе автора, подготовленном для выступления на Третьем проблемном семинаре на тему «Юридические конфликты: механизмы анализа и усмотрения» для преподавателей, аспирантов и студентов, который был проведен под руководством доктора юридических наук, профессора Ю. А. Тихомирова в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 26 апреля 2016 г.

© Головина А. А., 2018

* Головина Анна Александровна, кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела теории законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
aagolovina@mail.ru
117218, Россия, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34

мы, конкуренция правовых парадигм, интегративная концепция правопонимания, нормативизм, метанормативизм, правовая идеология, прогрессивный консерватизм.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.135.2.030-044

«Идеи правят миром», «конфликт зарождается в головах» — это аксиомы, не требующие доказательств. И в юридической сфере конфликт нередко начинается с конфликта правовых идей и концепций. Этот тезис нередко подтверждался историей, но противостояния идей в современную информационную эпоху приобрели особую остроту и многовекторность.

Высокие технологии меняют реальность у нас на глазах. Эти изменения охватывают уже не только сферу коммуникаций, человеческого комфорта или производства товаров, но и сферу сознания, организации мысли, продуцирования и передачи идей внутри человеческого социума. По мнению экспертов, «высокие технологии изменяют саму ткань социальных отношений. Это верно как для их традиционной части — high-ec'a, направленного на восстановление и развитие мира природы, био- и геосферы, а также high-tech'a, направленного на изменение и развитие «второй природы», мира вещей и услуг, созданных и организованных человеком, так и для проявившегося в 90-е годы в полной мере high-hum'a, направленного уже не на природу, а на самого человека»², и прежде всего на его сознание. В рамках активной экспансии технологий high-hume человек становится уже не «инструментом зарабатывания прибыли, как в индустриальную эпоху, а полем, из которого извлекается результат»³.

Таким образом, человеческое сознание сегодня по-прежнему остается ареной столкновения различных идей и концепций, как конструктивных, так и деструктивных. Через диалектическую взаимосвязь сознания и мате-

рии этот конфликт, а точнее, его результат, воплощается в действиях и поведении индивида, а посредством его участия в жизни социума — и отражается на общественном бытии в целом.

Влияние конфликтов правовых идей и концепций особенно сильно в обществах, которые можно отнести к **«идеократическим»**. Нередко такую характеристику адресуют и российскому обществу. Несмотря на то, что некоторые исследователи термин «идеократия» воспринимают в несколько ограниченном контексте⁴ (а то и с негативным оттенком), представляется более взвешенным подход к идеократическому обществу как обществу, в котором сильна власть идей, стремление к идеалам, «к дальним целям», в котором духовный аспект человеческого бытия ставится нередко выше материального в шкале общественных ценностей.

Конфликт правовых идей и концепций, на наш взгляд, можно определить как противоречие в правовой системе, выражающееся в противопоставлении одних правовых идей и концепций другим.

Подобные конфликты являются социальными по своей природе. Например, А. В. Дмитриев отмечал, что социальный конфликт — это «процесс, в котором два (или более) индивида или группы активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника или изменить его взгляды и социальные позиции (выделено нами. — А. Г.)»⁵, под социальным конфликтом обычно понимается тот вид противостояния, при котором стороны стремятся захватить территорию либо ресур-

² Делягин М. Это русское слово «High-Hume» // Изборский клуб. Русские стратегии. 2015. № 5. С. 79.

³ Делягин М. Указ. соч. С. 80.

⁴ Например, как государство, в котором властные элиты подбираются по принципу верности определенной идее. В частности, А. В. Тупаев отмечает, что «под идеократией понимается такой общественный строй, при котором правящая элита отбирается по признаку преданности общей идее. Общегосударственная идея представляет собой систему убеждений, которую воспроизводит объединенный в единственную государственно-идеологическую организацию правящий строй. Рекрутирование правящей элиты происходит по принципу преданности и общности мирозерцания, объединяющей государственной идеологии и организации» (Тупаев А. В. Идеологическое государство в концепциях Э. Нольте и Н. Н. Алексеева как предмет социально-политического исследования // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 230—231).

⁵ Юридическая конфликтология / под ред. В. Н. Кудрявцева. М.: Институт государства и права РАН, 1995. С. 6.

сы, угрожать оппозиционным индивидам или группам, их собственности или культуре таким образом, что борьба принимает формы атаки или обороны»⁶.

Еще одной ключевой чертой такого конфликта является его когнитивный характер. Юридические конфликты в целом, по мнению исследователей, носят такой характер⁷, однако именно в конфликтах правовых идей и концепций когнитивность выходит на первый план.

Конфликты правовых идей и концепций могут протекать как на локальном или региональном уровне, так и на общегосударственном или международном. Нередко столкновение правовых идей проходит по линии разлома цивилизаций, правовых культур различных правовых семей. Следование той или иной правовой идее может выдвигаться в качестве флагамена правовой и цивилизационной идентичности (например, идеи демократии и прав человека в их фетишизированном понимании для западной цивилизации). В связи с этим конфликт правовых идей может служить предпосылкой (или поводом) для перерастания конфликта из идеологической в социальную или даже военную сферы (например, насаждение «правильных» демократических ценностей военным путем в результате отрицания самой возможности существования каких-либо национальных концепций политического режима).

Необходимо вовремя выявлять **причины конфликтов правовых идей**. Таких причин может быть множество, в том числе следующие:

1. *Неумелое использование общепризнанных правовых концепций или их произвольная интерпретация.* Например — произвольное толкование концепции критериев образования самостоятельных отраслей в праве привело сегодня к формированию крайне противоречивой, мозаичной концепции системы права. В итоге современная научная картина системы российского права пред-

ставляет собой поле столкновения десятков конфликтующих между собой концепций (только «новых» отраслей права предлагается уже около 90⁸), которые трудно согласуются между собой, поскольку нередко являются взаимоисключающими.

2. *Объективные несовпадения идей и концепций, в том числе антиномии.* Например, в качестве наиболее глобального уровня конфликта правовых идей и концепций можно рассматривать конфликт правовых парадигм (более подробно этот фундаментальный уровень конфликтов будет рассматриваться нами ниже).

3. *Попытки сознательного воздействия на правовую реальность путем внедрения правовой идеи или концепции, конкурирующей с общепринятой.* Как правило, такие попытки преследуют не «чисто научные», а сугубо практические цели. Идея используется как «таран», или «спусковой крючок» для влияния на ситуацию — например, идея разделенного государственного суверенитета в федерации или идея дерегулирования со стороны государства, внедренная в противовес концепции сильного государства. Эти примеры показывают, какие негативные, деструктивные последствия, прежде всего для общества и реальной жизни граждан, могут нести некоторые правовые идеи, особенно если они навязываются тогда, когда массовое сознание к этому не готово (как с идеей рыночной экономики или отказа от государственного патернализма в 90-е годы XX в.). Конфликты правовых идей и концепций могут происходить на следующих **уровнях**:

- 1) общеправовом уровне (например, конфликты правовых парадигм);
- 2) межотраслевом уровне (конфликт между административным и гражданским правом в отношении к проблеме сильного регулирования/снятия административных барьеров);

⁶ Юридическая конфликтология. С. 6.

⁷ Например, подчеркивается, что юридический конфликт «в значительной мере носит ...когнитивный характер, поскольку спор идет о понимании права, но за этим спором часто просматриваются и другие, вполне практические интересы сторон», «взгляды, знания, точки зрения или, говоря психологическим языком, «когнитивные структуры» субъектов, во время взаимодействия могут находиться в полном или частичном согласовании, но могут быть и в абсолютном противоречии. Противоборство когнитивных структур может быть вовсе не связано с нарушением отношений между субъектами» (Юридическая конфликтология. С. 14, 28).

⁸ См. более подробно: *Радько Т. Н., Головина А. А.* Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис? // Государство и право. 2017. № 2. С. 34—40.

- 3) отраслевом уровне (в конституционном праве: приоритет конституции государства или «примат международного права»);
- 4) институциональном (в избирательном праве: конфликт между свободой СМИ и принципом свободных выборов, т.е. свободного волеизъявления граждан без воздействия агитации со стороны журналистов).

Конфликты правовых идей и концепций могут приобретать мягко выраженный или даже латентный характер в периоды общественной стабильности и обостряться в периоды общественных кризисов, слома общественных структур и коренных реформ, в переходные периоды развития общества и государства.

В связи с изложенным неудивительно, что борьба правовых идей и концепций приобрела особенно острый характер в странах постсоветского пространства, в которых после отказа от господствовавшей многие десятилетия правовой и политической идеологии образовался своего рода «идеологический вакуум», который бросились заполнять многочисленные «новые» идеи и концепции. Причем некоторые из них были «вынуты с антресолей истории», некоторые — импортированы из-за рубежа. Как бы то ни было, борьба за идейное поле постсоветского пространства развернулась достаточно напряженная.

И если некоторые идеи и концепции могут более или менее удачно сосуществовать (как, например, концепции разделения властей и приоритета прав человека с концепцией социального государства и даже — для широких масс населения — государственного патернализма), то другие по своей природе вынужде-

ны конкурировать за право стать доминирующими.

В качестве характерного примера назовем идеи о том, к какой правовой системе относятся страны постсоветского пространства.

В советский период отечественной истории доминировала идея, согласно которой республики СССР (а также страны «соцлагеря») относятся к социалистической правовой семье (системе советского права), хотя с этим и не соглашались многие «буржуазные» исследователи, относившие эти страны (нередко по идейным соображениям, чтобы подчеркнуть несамостоятельность их правовой традиции) к романо-германской правовой семье.

Проблема обострилась после распада СССР. Показательно, например, что в изданиях книг Рене Давида, вышедших в советский период, были рассуждения о социалистических правовых системах, советском праве⁹. В современном же переиздании книги (оригинал на французском — в 2002 г.) Камилла Жоффре-Спинози, на которую была возложена ответственная задача актуализации книги после смерти ее знаменитого автора Рене Давида в 1990 году, по сути, уклонилась от решения трудного вопроса о том, к какой правовой семье относить современную Россию. В результате соответствующая глава была озаглавлена нейтрально: «Российское право», в ней характеризуется история и современное состояние законодательства, но доктринальные вопросы места российского права на правовой карте мира обойдены молчанием¹⁰.

В целом же можно сделать вывод о том, что на сегодняшний момент в этом идейном поле

⁹ Хотя и отмечалось: «Должно ли советское право рассматриваться как оригинальная система в сравнении с романо-германской правовой семьей? Очевидно, что будущее коммунистическое общество, когда оно будет создано, представит новый тип общества, принципиально отличный от существующих ныне обществ. Но в настоящее время оно еще не создано, и действующее советское право, несомненно, обнаруживает известное сходство с романской системой. Оно достаточно широко сохранило ее терминологию, а также — хотя бы по внешнему виду — ее структуру. Для советского права характерна концепция правовой нормы, которая мало чем отличается от французской или немецкой концепции. Исходя из сказанного, многие западные авторы, особенно английские и американские, отказываются видеть в советском праве оригинальную систему и помещают его в романские правовые системы» (См.: Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М.: Прогресс, 1988).

¹⁰ В. А. Туманов в предисловии к этой книге справедливо замечает: «к сожалению, этот текст носит описательный характер и в большей своей части не выходит за рамки изложения законов. Он не содержит аналитических выводов и сравнительно-правовых характеристик, какими отличаются стиль и уровень текста самого Р. Давида. Авторы уклонились даже от ответа на вопрос, который в контексте книги Р. Давида представляется обязательным, а именно: какое место в типологии и классификации современных правовых систем занимает сегодня российское право?» (Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 2009. С. 8).

конкурируют как минимум следующие «центры притяжения» и правовые идеи (причем противостояние осуществляется не без воздействия зарубежных образовательных, научных и консультативных центров, финансовых и иных институтов).

1. *Романо-германская правовая семья.* Многие современные ученые в странах постсоветского пространства считают наиболее соответствующим новой реальности отнесение этих стран к романо-германской правовой семье¹¹. Это обосновывается исторически, а также путем проведения параллелей в основных чертах юридической доктрины (например, сходное понимание источников права, нормы права, роли законодателя и судьи и т.д.). При этом со стороны традиционных стран романо-германской правовой семьи (например, Германии, Франции) делается многое, чтобы «притянуть» страны постсоветского пространства в свое поле правового притяжения.

Например, М. К. Сулейменов (доктор юридических наук, профессор, директор НИИ частного права, академик Национальной академии наук Республики Казахстан) пишет: «В силу тесной связи правовой системы Казахстана с германским правом следует особенно подчеркнуть эффективность помощи в становлении правовой системы Республики Казахстан, оказываемой германскими специалистами. Прежде всего я имею в виду немецкое Общество

по техническому сотрудничеству (GTZ, ныне GIZ), и в первую очередь профессора Рольфа Книпера, бывшего руководителя проекта GTZ «Правовая реформа в странах с переходной экономикой», Почетного профессора Казахского гуманитарно-юридического университета. Этот проект реализуется во всех странах Центральной Азии (Узбекистане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане), но наиболее успешным является, на мой взгляд, в Казахстане. Проект GTZ реализуется по трем важным направлениям: совершенствование национального гражданского законодательства, практическое обучение юристов и научные контакты. В сфере гражданского законодательства немецкие ученые, и прежде всего Рольф Книпер, оказали большую помощь в подготовке Гражданского и Гражданско-процессуального кодексов, а также проектов законов о третейских судах и о международном арбитраже»¹².

2. *Англосаксонская правовая семья.* Попытки внедрить в страны постсоветского пространства идеи, понятия и категории англосаксонской правовой семьи также имели место. Причем, в отличие от романо-германской правовой семьи, далеко не всегда удачные. М. К. Сулейменов приводит и такой пример: «в 1998 г. по инициативе Национальной комиссии по ценным бумагам РК был принят разработанный американскими юристами Закон об

¹¹ Например, современная украинская исследовательница М. Г. Хаустова (канд. юрид. наук, доцент, Национальный университет «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого, г. Харьков) пишет: «раскрывая вопрос определения национальной правовой системы Украины на правовой карте мира, отметим, что в юридической литературе не существует единодушия мнений ученых по поводу характеристики современных правовых систем постсоциалистических стран Восточной Европы. Каким же путем трансформироваться: присоединиться к одной из функционирующих правовых семей современности или пойти своим путем, создавая евразийскую правовую семью? Большинство ученых убеждены, что тенденции развития правовых систем этих государств позволяют считать, что они движутся в направлении присоединения к германской подгруппе в семье романо-германского права. Следует при этом признать факт, что они уже постепенно отошли от своего социалистического прошлого» (Хаустова М. Г. Правовая система Украины среди правовых систем современности // Проблемы законности. 2013. № 1230 (журнал издается Национальным университетом «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»).

К. А. Нурлыбай (Институт права и экономики КазНПУ имени Абая) пишет без колебаний: «в теории современную правовую систему Казахстана характеризует прежде всего ее принадлежность к романо-германской правовой семье» (Нурлыбай К. А. Место правовой системы Республики Казахстан в общей типологии правовых систем современности // URL: http://www.rusnauka.com/12_KPSN_2013/Pravo/1_135727.doc.htm (дата обращения: 01.04.2016)).

¹² Сулейменов М. К. Система права и система законодательства Казахстана: выбор пути «Юрист» // (казахстанский юридический журнал). 2004. № 4. При этом, по мнению ученого, «Казахстан, безусловно, принадлежит к романо-германской правовой семье, где в основе гражданского законодательства лежит гражданский кодекс».

акционерных обществах. Закон был наштампован американскими понятиями и инструментами, направленными на построение акционерного общества не как производственного предприятия, а как спекулятивного образования, участника рынка ценных бумаг. Этот закон сразу забуксовал, практически не работал, и те же люди, теперь уже в Национальном банке, инициировали разработку нового закона, соответствующего принципам континентальной системы права, который и был принят в 2003 г. и действует до сих пор»¹³.

В то же время, например, в Казахстане создается Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА), одним из конкурентных преимуществ которого провозглашается то, что в нем «для обеспечения доверия к МФЦА со стороны мирового сообщества, защиты интересов инвесторов и клиентов финансовых услуг планируется установить понятный правовой режим, основанный на принципах английского общего права»¹⁴.

В России, особенно в 90-е гг. XX в., также проводились попытки внедрения отдельных институтов англосаксонского права, причем навязываемые концепции нередко вступали в конфликт с имеющимся правовым контекстом, что приводило к нежизнеспособности принимаемых норм. Например, Ю. А. Тихомиров в 1996 году отмечал, что «нередко не учитываются объективные условия и факторы, которые порождают те или иные институты в зарубежном праве и у нас. Например, закон о товарных биржах был подготовлен и принят поспешно, хотя в нашей экономике отсутствовали те институты инфраструктуры, которые в зарубежной экономике обеспечивают их деятельность. В результате биржи у нас почти исчезли через три года»¹⁵, «нередко стремление законодателей и разработчиков закона быстрее заимствовать и даже скопировать

аналогичный иностранный закон ведет к его трудному вращению в свою правовую систему. Зарубежные эксперты, консультанты охотно делятся своим опытом законодательства и способствуют перенесению принципов, институтов и групп норм из законов своих стран в законопроекты других стран. Опыт России последних лет показал, сколь настойчивы были подобные попытки при разработке Закона об акционерных обществах (в частности, введен институт «аффилированных лиц»), о местном самоуправлении, а также при регулировании траста как доверительного управления, а не доверительной собственности, как в английском праве. Иногда сильнее ощущалось влияние семьи общего, а не континентального права. Нередко исчезала мера допустимой аналогии права и закона и правовая идентификация приобретала смысл откровенного и открытого «внешнего источника» национального пражворчества»¹⁶.

3. Правовая семья мусульманского права. Ряд стран постсоветского пространства обладает значительным количеством жителей, исповедующих ислам (например, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия). В связи с этим сильное влияние в постсоветский период в них приобретает современное исламское право, которое, будучи в XX веке серьезно модернизированным, сегодня воздействует даже на неисламские страны. Так, начинает пользоваться популярностью так называемый «исламский банкинг» — банковская деятельность, основанная на принципах мусульманского права (запрет ростовщической деятельности, сделок с неопределенными условиями, запрет вложения денег в недопустимые для мусульманина сферы деятельности и т.д.)¹⁷.

4. Постсоциалистическая правовая семья. Некоторые исследователи считают современ-

¹³ Сулейменов М. К. Система права и система законодательства Казахстана: выбор пути // Юрист. 2004. № 4. Журнал издается в Республике Казахстан.

¹⁴ См.: интервью Управляющего МФЦА Кайрата Келимбаева российскому журналу «Эксперт»: Международный финансовый центр принесет Казахстану дополнительно до 1 % ВВП в год // Эксперт. 2016. № 28—29. 18—24 июля 2016 г. С. 66.

¹⁵ Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М.: Норма, 1996. С. 53.

¹⁶ Указ. соч. С. 71.

¹⁷ Например, на постсоветском пространстве появляется законодательство, регулирующее банковскую деятельность в соответствии с принципами ислама. В 2005 г. были внесены изменения в Закон Республики Казахстан от 31 августа 1995 г. № 2444 «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан». В 2009 году были внесены поправки в Закон Кыргызской Республики от 29 июля 1997 г. № 60 «О банках и банковской деятельности в Кыргызской Республике». В 2014 г. был принят Закон Республи-

ные страны постсоветского пространства относящимися к государствам переходного типа и используют в отношении них термин «постсоциалистическая правовая семья» или «постсоветские системы»¹⁸. Однако, как видится, далеко не во всех странах постсоветского пространства такая идентификация сегодня может встретить понимание и стать самоидентификацией.

5. *Славянская правовая семья*. Ряд авторитетных исследователей считает, что сегодня можно вести речь о становлении славянской правовой семьи. Например, В. Н. Синюков полагает, что славянская правовая семья включает группу российского права, группу западно- и восточнославянского права и, возможно, как пишет автор, группу евразийского (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан) и закавказского права (Грузия, Армения, Азербайджан, Южная Осетия, Абхазия)¹⁹.

Эта концепция довольно обоснована прежде всего с позиций правовых традиций и правового менталитета, однако, на наш взгляд, у нее есть существенный недостаток — далеко не во всех бывших республиках СССР доминирует сегодня славянское население, в связи с чем такие республики вряд ли согласятся самоидентифицировать себя в рамках такой правовой семьи. А для того, чтобы вести речь о правовой семье, на наш взгляд, недостаточно, чтобы себя к ней причислял только один

член такой семьи — необходимо и «семейное согласие».

В концепции же В. И. Лафитского, например, критерии славянской правовой семьи основаны в значительной степени на православной идентичности²⁰, что также «отсекает» от этой общности многие страны постсоветского пространства с доминированием исламского вероисповедания. Между тем объективно сохраняется в этих странах ряд общих черт (как наследие общей правовой истории на протяжении веков, а также в силу сходности правового менталитета населения, общих до сих пор основ правовой науки).

В связи с этим, как видится, более перспективными являются правовые идеи, которые могли бы объединить страны постсоветского пространства, не допуская возникновения в них новых «линий раскола».

б. *Византийская правовая семья*. В частности, С. С. Алексеев считал, что национальные правовые системы стран постсоветского пространства относятся к правовой системе, которую он именовал «система традиционного неотдифференцированного типа» или «право Востока», оперируя для обозначения этих правовых систем термином «византийское право»²¹.

Как видится, недостатком этой концепции является то, что она в большей степени ориентирована на ранние исторические кор-

ки Таджикистан № 1108 «Об исламской банковской деятельности». В Казани 24 марта 2016 г. впервые в России начал работу «Центр партнерского банкинга», оказывающий финансовые услуги в соответствии с основополагающими принципами ислама (см.: Новикова Р. Г. Теоретические основы правового регулирования финансовых отношений в исламском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 27—28).

¹⁸ В частности, М. Н. Марченко отмечает, что государства, переходные от социалистического государства к капиталистическому, нередко именуют «постсоветскими» системами, «подчеркивая тем самым, что в центре прежней социалистической, или псевдосоциалистической, правовой семьи стояло советское государство и право» (Марченко М. Н. Сравнительное правоведение. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2011. С. 605).

¹⁹ См.: Синюков В. Н. Российская правовая система : Введение в общую теорию. 2-е изд. М. : Норма, 2010. С. 201.

²⁰ См.: Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. М. : Статут, 2010. Т. 1. С. 200 и далее. Автор пишет, что рассмотрение им христианской традиции права с обзором славянского права обусловлено рядом причин: «во-первых, тем, что в славянском праве христианские ценности находят наиболее полное воплощение; во-вторых, тем, что славяне — самый крупный и, судя по всему, самый древний этнос Европы. Даже сейчас, несмотря на все войны и социальные беды XX в., примерно каждый третий житель Европы относится к славянской расе; в-третьих, тем, что в последние десятилетия именно славянское право развивается наиболее бурными темпами, оказывая все большее влияние на право других христианских правовых семей (Указ. соч. С. 200).

²¹ См. более подробно: Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи. М. : Статут, 2000. С. 73.

ни становления общей правовой идеологии в Древнерусском государстве, на анализ исторических особенностей правового менталитета, и ей трудно предложить актуальную повестку современным динамично развивающимся государствам этого цивилизационного пространства, которое со времен Византийской империи значительно расширилось. Кроме того, на наш взгляд, современные страны постсоветского пространства в гораздо большей степени являются наследницами советской правовой традиции, накопленного на протяжении XX века оригинального, самостоятельного опыта правового развития, и византийские корни имеют крайне отдаленное отношение к современному правовому стилю этих стран.

7. *Евразийская правовая семья.* Учитывая формирующуюся евразийскую интеграцию, которая объединяет сегодня ряд стран постсоветского пространства, сохранивших наибольшее цивилизационное единство²², на глобальную историческую перспективу представляется небеспочвенным вести речь о формировании евразийской правовой семьи. Как видится, эта концепция могла бы стать консолидирующей для стран постсоветского пространства. Она не несет в себе исторического негативного «шлейфа» для этих стран (как концепция постсоветского права для некоторых бывших республик СССР), не ограничивается узкими рамками национальной или религиозной идентичности (как концепция славянской правовой семьи), что теоретически делает ее приемлемой для всех стран постсоветского пространства. При этом она позволяет учесть то особенное, что до сих пор отличает эти страны от других правовых семей²³, позволяя сформировать идеологическое обоснование для отказа от безусловного подчинения тому или иному «центру притяжения». Эта концепция не создает препятствий для восприятия от этих центров отдельных положительных моментов (и даже подчеркивает, что к тому есть все предпосылки, поскольку Евразия цивилизационно находится на «культурном перекрестке»), но позволяет сохранить собственную индивидуальность странам постсоветского пространства, можно даже сказать,

позволяет защитить свой идеологический суверенитет от экспансии глобализма.

Имеется также точка зрения, согласно которой одним из возможных вариантов развития является фрагментация постсоветского правового пространства. Например, Ю. А. Тихомиров в качестве одного из трех прогнозируемых вариантов называет такой, при котором на этом пространстве возможно возникновение двух-трех правовых семей: прибалтийской с тяготением к северной (скандинавской) правовой семье, славянской правовой семьи в сочетании с азиатско-мусульманской правовой семьей, центрально-европейской с тяготением к романо-германской семье²⁴.

Необходимо также учитывать, что конфликты правовых идей и концепций имеют далеко не только доктринальное значение. Нередко они подходят очень близко к вопросам политики, идеологии, цивилизационной и культурной идентичности и т.д. Последствия же конфликтов в этих сферах на постсоветском пространстве мы видим регулярно. Таким образом, примирение различных правовых концепций в рамках объединяющей концепции евразийской правовой семьи могло бы сыграть, как видится, позитивную роль.

В целом же конфликты правовых идей и концепций, на наш взгляд, могут иметь как конструктивное, так и деструктивное значение, что показывает и опыт такого рода конфликтов на постсоветском пространстве.

Конструктивный аспект:

- а) гносеологическое значение («в споре рождается истина»);
- б) эвристическое значение (при столкновении идей, если ни одна не одерживает убедительную победу и не способна предложить привлекательный образ желаемого будущего, велика вероятность появления новой идеи или концепции);
- в) парадигмальное значение (смена парадигм в юридической науке и государственной практике, общество получает новый импульс развития);
- г) интеграционное значение (сближение государств в рамках формирующегося общего

²² См. также: Головина А. А. Перспективы формирования евразийских антикоррупционных стандартов // Евразийский юридический журнал. 2016. № 12. С. 25—29.

²³ См., например: Головина А. А. Современные воззрения на систему права в странах постсоветского пространства // Служение праву: сборник статей / под ред. Д. А. Туманова, М. В. Захаровой. М.: Проспект, 2017. С. 488—506.

²⁴ См.: Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. С. 129.

правового стиля в силу общности правовых идей и концепций, «выигравших» конфликт — в перспективе с формированием общей правовой системы или даже интеграционного объединения государств, например — евразийская правовая идея);

- д) социально-мобилизирующее значение (сплочение социальной группы вокруг идеи или восстановление единства по итогам успешного преодоления конфликта, в рамках которого находят разрешение накопившиеся противоречия)²⁵.

Деструктивный аспект:

- а) разрушение устаревших концепций и идей, либо концепций и идей, вступивших в непримиримое противоречие с новым вектором развития государства и общества — например, советская концепция единства государственной власти, на смену которой пришла концепция разделения властей (при этом крушение правовых идей нередко сопряжено и с опровержением иных связанных с ними идей в сфере государственного и общественного развития, а это уже угроза стабильности государства и общества);
- б) конфликты правовые могут перерастать в иные типы конфликтов — межнациональные, территориальные, социальные;
- в) возникновение риска непонимания или даже раскола в отношениях между государствами, выбравшими различные, не совпадающие по своему вектору правовые идеи и концепции.

Отсюда вывод — в случае конфликта правовых идей и концепций необходимо стремиться к тому, чтобы максимально использовать их конструктивный потенциал и нивелировать деструктивный, в особенности же не допускать перерастания конфликта правовых идей в иные, более опасные типы конфликтов (со-

циальные, межгосударственные), а значит, стремиться разрешать их (или хотя бы смягчать, лишая жесткой риторики) еще на стадии академической дискуссии.

При этом необходимо принимать во внимание, что правовые идеи и концепции через механизмы обратной связи науки и практики нередко оказывают самое непосредственное воздействие на общественное сознание и общественное бытие. В связи с этим конфликты правовых идей и концепций, линия разлома которых проходит через научное общественное сознание, нередко «выплескиваются» за его пределы или, наоборот, могут служить отражением конфликта, уже протекающего в общественном сознании в текущий исторический момент.

Соответственно, одной из задач юридической науки видится недопущение переноса конфликтов правовых идей и концепций за пределы научной дискуссии, своевременное прогнозирование и выявление деструктивного потенциала тех или иных идей, построение системы научной аргументации, позволяющей в конфликте правовых идей и концепций усилить позиции тех из них, которые имеют наиболее конструктивный, позитивный потенциал.

С этой точки зрения, по нашему мнению, в современной юридической науке не вполне востребованной остается категория «парадигма»²⁶. Между тем она обладает значительным гносеологическим потенциалом в правоведеии, в том числе в области понимания. Как известно, если естественные науки характеризуются сменяемостью парадигм (так, гелио-центрическая парадигма сменила геоцентрическую), то социальные — конкуренцией. Соответственно, выявление конкурирующих правовых парадигм позволя-

²⁵ Так, по мнению Л. Козера, конфликт внутри группы может способствовать ее сплочению или восстановлению единства. Поэтому внутренние социальные конфликты, затрагивающие только такие цели, ценности и интересы, которые не противоречат принятым основам внутригрупповых отношений, как правило, носят функционально-позитивный характер (цит. по: Юридическая конфликтология. С. 13).

²⁶ Введена в научный оборот американским историком и философом науки Т. Куном в его фундаментальном труде «Структура научных революций» (1962). Под парадигмой ученый понимал «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» (например, «астрономия Птолемея (или Коперника)», «аристотелевская (или ньютоновская) динамика», «корпускулярная (или волновая) оптика» и т.д.). Или, более кратко, «парадигма — это то, что объединяет членов научного сообщества и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму» (Кун Т. Структура научных революций. М., 2009. С. 11—12, 67).

ет лучше понять механизмы формирования правовых идей и концепций, их взаимосвязь и взаимовлияние, механизмы конкуренции и конфликтов²⁷.

На наш взгляд, правовыми парадигмами, конкуренция между которыми длится уже на протяжении веков (и принимает в некоторые исторические периоды весьма ожесточенный характер — от напряженной словесной полемики до вытеснения конкурентов из научного поля), являются две — **нормативизм** и **метанормативизм**²⁸. Эти два термина предлагаются нами для обозначения парадигм, которые друг от друга четко отграничиваются, в зависимости от ответа на главный, **«парадигмальный» вопрос**: как соотносятся право и закон (в широком смысле)? Если нормативистская парадигма ответит на него «как содержание и форма», то метанормативизм допускает существование бессодержательной формы (неправовой закон) или бесформенного содержания. Парадигмальный вопрос не допускает промежуточного ответа, следовательно «золотой середины» в конкуренции правовых парадигм быть не может. Все основные концепции правовопонимания довольно определенно попадают в поле притяжения либо нормативистской, либо метанормативистской правовых парадигм.

Исходя из изложенного, может быть определено и отношение к такому популярному сегодня вопросу, как «быть или не быть интегративной концепции правовопонимания»²⁹. Иными словами: может ли конкуренция правовых парадигм привести к «снятию противоречий»

в конфликте за счет интеграции различных идей и концепций, лежащих в их основе?

Сторонниками интегративного правовопонимания высказывается идея о том, что понимания истинной сущности права можно добиться, только объединив положительные стороны каждой из существующих концепций правовопонимания: и нормативизма (легизма), и социологической, и коммуникативной, и либертарно-юридической, и естественно-правовой, и т.д. Близкая к ней концепция вообще предлагает нам согласиться с тем, что право, подобно бриллианту, который тем красивее, чем богаче огранка. Соответственно, чем больше граней (концепций правовопонимания) мы объединим, тем якобы более «красивым» («полным», «истинным») будет наше понимание права.

Однако основываясь на высказанных выше идеях о конкуренции в правовой науке только двух парадигм, позволим себе высказать мысль о том, что вопрос о правовопонимании не есть вопрос о количестве граней у бриллианта. Скорее, это вопрос о том, в каком агрегатном состоянии находится бриллиант: твердом (право воплощено в четкой системе формально закрепленных норм) или газообразном (правовые нормы могут содержаться и в законе, и в судебном решении, и в абстрактных принципах свободы, равенства, справедливости и т.д.). Как видится, промежуточного ответа («газообразнотвердый бриллиант») быть не может. Следование постклассическому принципу «все концепции верны» есть с этой точки зрения, по сути, отказ от поиска научной истины (как если бы астрономы взялись утверждать, что верна

²⁷ Не случайно В. В. Смирнов выделял в качестве первого элемента юридического конфликта «различия в правовопонимании как базовые для формирования массового правового сознания» и отмечал, что «обострившийся спор по поводу понимания права как выражения общечеловеческих ценностей или как «писаного права», норм законов и иных актов приобрел очевидную практическую направленность. Сторонники гуманитарной трактовки сеют недоверие к любой нормативной системе, законам и законности, давая повод каждому определять меру отношения к нормам» (см.: Юридическая конфликтология. С. 99).

²⁸ От греч. приставки «мета-» — «сверх-», подобно физике и метафизике.

²⁹ См., например, более подробно: Valery Lazarev. Integrative perception of Law // Kazan University Law Review. Volume 1, Fall 2016, Number 1, p. 19—32; Власенко Н. А. Правовопонимание в свете категорий определенности и неопределенности // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 37—44; Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще не заверченный проект // Правоведение. 2000. № 3; Ершов В. В. Международное и внутригосударственное право с позиций легизма и интегративного понимания права // Российское правосудие. 2011. № 8. С. 5—26; Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 5—15; Залоило М. В., Черкашина-Шмидт О. В. Интегративное правовопонимание: новый подход // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 143—147; Теоретические и практические проблемы правовопонимания: Матер. III Междунар. конф., состоявшейся 22—24 апреля 2008 г. в РАП / под ред. В. М. Сырых, М. А. Заниной. М., 2009.

и геоцентрическая, и гелиоцентрическая парадигмы), что представляется не вполне продуктивным подходом в науке, в том числе юридической³⁰.

Выбор юристом той или иной правовой парадигмы (который может, на самом деле, даже не осознаваться, например, юристы-практики в значительной мере следуют нормативистской правовой парадигме) оказывает самое непосредственное влияние на целый комплекс связанных проблем, на примере чего отчетливо видны социальные последствия конфликтов правовых идей и концепций.

Прежде всего выбор правовой парадигмы влияет на понимание ученым или юристом-практиком взаимосвязи государства и права. Если нормативизм считает эту взаимосвязь неоспоримой, а государство — единственным источником правовых норм, то для метанормативизма эта связь далеко не очевидна, а нередко и оспаривается. Одним из довольно популярных тезисов метанормативизма является тезис о так называемом «неправовом законе», т.е. законе, который не содержит норм права. Однако от такого утверждения всего один шаг до признания того, что неправовой закон можно не исполнять. Тем более, что критерии правового или неправового закона метанормативистскими концепциями предлагаются довольно расплывчатые. Например, либертарно-юридическая концепция (которую мы однозначно относим к метанормативизму) считает, что только тот закон может считаться правовым, в котором воплощены принципы свободы, равенства и справедливости³¹. Все остальное объявляется этой концепцией не правом, а «произволом»³².

На наш взгляд, такой подход открывает широкий простор для усмотрения индивида в том, исполнять или не исполнять принимаемые государством нормативные правовые

акты под тем или иным субъективным предлогом. Как видится, эта идея есть не что иное, как «бомба замедленного действия» для любого правопорядка, а в более широком смысле — и покушение на правовой суверенитет государства, его суверенные права на принятие, изменение и отмену норм права.

Не случайно академик О. Е. Кутафин еще в 2002 г. в одном из интервью заметил: «Вот недавно я обратил внимание на парадоксальный момент... неудовлетворенность действующим законодательством привела к тому, что на бытовом уровне люди начали делать разницу между законом, который часто кажется несправедливым, и правом, которое справедливо по определению. Абсурд, согласитесь? Но это же все идет от действия властей, на которых и ориентируется народ. Вспомните расстрел Белого дома — он ведь произошел из-за того, что Ельцин сказал: “Эта конституция неконституционна”. Большой алогизм, да еще сказанный первым лицом государства, трудно себе представить. Это очень опасно, поскольку самый плохой закон должен соблюдаться — пока не будет изменен опять же законодательным путем»³³.

Бездействие в разрешении конфликта правовых идей и концепций может быть крайне опасным. Здесь видятся два основных способа разрешения конфликтов правовых идей и концепций — либо из конкурирующих концепций выбирается та, которая имеет наибольший конструктивный потенциал, либо на базе конкурирующих концепций вырабатывается новая концепция, соединяющая в себе наиболее позитивные черты всех конкурирующих концепций.

Позитивные примеры результативности второго подхода у всех перед глазами — Китай, которому удалось синтезировать концепции плановой и рыночной экономики наиболее благоприятным для себя образом, а также

³⁰ Согласимся с Н. А. Власенко, который подчеркивает: «Познание, тем более научное, должно стремиться к истине и оценкам, отвечающим реальности. Когда же речь идет о прагматической стороне нерешенной проблемы, то необходимо учитывать, что понимание права — ключевой вопрос в профессиональном воспитании молодого поколения, особенно будущих юристов, которые должны четко представлять, что такое право, как оно связано с законностью, какова роль этих феноменов в обществе, в том числе в деле обеспечения прав и свобод граждан» (Власенко Н. А. Правопонимание в свете категорий определенности и неопределенности // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 37—44).

³¹ См., например: Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2008.

³² Заметим попутно, что, исходя из такой посылки, практически вся история человечества оказывается исключенной из истории права, начиная с рабовладельческой Античности (т.е. «римское право» следовало бы, исходя из такой логики, переименовать в «римский произвол»).

³³ См.: Кутафин О. Е. Первый по праву / сост. И. В. Кравченко, Д. Ю. Мартынкина. М., 2011. С. 390.

успех ряда западных стран, которые к идее рыночной экономики добавили некоторые идеи, заимствованные у социалистического государства на волне его несомненных успехов в социальной сфере, и сконструировали концепцию социального рыночного государства (или социально ориентированного рыночного государства).

Еще один пример возможного пути решения конфликта правовых идей и концепций, на наш взгляд, можно предложить в сфере правовой идеологии. Понятие это, если смотреть на него непредвзято, очистить от налета официозности, которое оно приобрело в силу определенных исторических причин, по-прежнему, на наш взгляд, остается востребованным и в современных условиях. Идеология может быть не только навязанной, но и осознанно выбранной индивидом, и в качестве таковой выступает «компасом», ориентиром, с которым сверяются жизненные установки и выстраивается иерархия принципов и целей. На наш взгляд, любой человеческий социум самоорганизуется, так или иначе вокруг определенной идеологии, будь то либеральная идеология или провозглашенное отсутствие идеологии, что само по себе уже есть идея.

Выработка общего информационного поля, общего отношения к жизни, к внешней среде является, на наш взгляд, одним из мощных социальных инстинктов, формировавшихся на протяжении всей социальной истории. При этом происходит формирование некоего круга идей, идейного социокода, который разделяет и признает все общество или такое его подавляющее большинство, которого достаточно для поступательного развития и нормального функционирования общества. Как видится, этот инстинкт присущ всем здоровым обществам, которым удавалось сохранить свою идентичность на протяжении продолжительных исторических промежутков, поскольку общество, разделенное, находящееся в конфронтации не только не могло двигаться вперед и развиваться, но и попадало под угрозу уничтожения

(вспомним — «дом, разделенный враждой, не устоит»).

В истории российского общества также известны периоды мощной конфронтации, в том числе на идейном фронте (начиная от феодальной раздробленности и заканчивая гражданской войной XX века, распадом СССР, центробежные тенденции которого чуть было не перекинулись и на территорию Российской Федерации). Однако российское государство каждый раз возрождалось как феникс из пепла не в последнюю очередь потому, что вновь находило некую идеологическую платформу, консолидирующую общество (будь то идея «Москва — третий Рим», «православие — самодержавие — народность», социалистическая идеология).

Как видится, сегодня российское государство и общество в целом вновь продолжает поиск такого «компаса», который позволял бы находить ориентиры в выстраивании долгосрочных стратегий развития, проектировать желаемый образ общего будущего.

Как справедливо отмечает Ю. А. Тихомиров, «исторический опыт и современность свидетельствуют, что право по-прежнему служит важнейшим способом обеспечения публичных и частных интересов и устойчивого уклада жизни. Однако оно постоянно подвергается атакам со стороны таких явлений, как правовой нигилизм, отчуждение граждан и прямое и косвенное насилие. Для их преодоления приходится искать новые векторы развития»³⁴, при этом право представляет собой «способ опережающего отражения социальной действительности, способствующий формированию новых государственно-правовых состояний в процессе управления государственными делами»³⁵.

Представляется, что таким вектором, проявляющимся в самых разных сферах взаимодействия государства и общества, может стать идея «**прогрессивного консерватизма**», или своего рода «**ретрофутуризм**»³⁶ на новый лад. Эта идеология подразумевает всестороннее инновационное развитие экономики и совре-

³⁴ Тихомиров Ю. А. Новые векторы регулирования — «другое право»? // Журнал российского права. 2016. № 4.

³⁵ Тихомиров Ю. А. Как обеспечить законность? Новый подход // Российское правосудие. 2016. № 8. С. 6.

³⁶ Этим термином обозначают то, как люди прошлого (примерно до 1960-х годов) представляли себе будущее. Согласно журналу *Retrofuturism*, который выходил с 1988 года по 1993 год, впервые слово «ретрофутуризм» было произнесено в 1983 году журнальным редактором Ллойдом Данном (Lloyd Dunn). На наш взгляд, многие идеи ретрофутуризма достойны того, чтобы воплотить их в жизнь сегодня, особенно идеи советского ретрофутуризма, в котором вера в неминуемые достижения научно-технического прогресса сочеталась с высокими идеалами братства народов (распространявшимися даже на

менных технологий («формы» социальной жизни) при сохранении традиционного, консервативного подхода к социальным и духовным ценностям («сути» социальной жизни).

В результате, как уже предполагают некоторые исследователи, «у России есть возможность стать своеобразной «футурозоной» — зоной будущего принципиально нового социального и технологического порядка. Россия будет страной, с одной стороны, консервативно защищающей институт семьи, с другой стороны — создающей новый тип энергетических, транспортных, биофотонических, инструментально-лазерных систем

в интересах сбережения народа и создания условий для роста численности семей и детей, воспитываемых в полных семьях. Замыкание динамичного авангардистского общества индустриально-технологического прорыва на социальный консерватизм общества традиции дает, собственно, абрис идентичности будущего»³⁷.

Представляется, что подобная идея способна «снять» конфликт консервативных и либеральных концепций развития, который сегодня продолжается в российском правосознании и общественном сознании в целом, и создать прочный фундамент для нового созидательного этапа развития российской государственности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи. — М.: Статут, 2000.
2. Власенко Н. А. Правопонимание в свете категорий определенности и неопределенности // Журнал российского права. — 2014. — № 2.
3. Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще не завершённый проект // Правоведение. — 2000. — № 3.
4. Громыко Ю. О захвате культурной гегемонии. Кто победит в борьбе за класс молодых профессионалов // Изборский клуб. Русские стратегии. — 2015. — № 9.
5. Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. — М.: Прогресс, 1988.
6. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. — М.: Междунар. отношения, 2009.
7. Делягин М. Это русское слово «High-Hume» // Изборский клуб. Русские стратегии. — 2015. — № 5.
8. Ершов В. В. Международное и внутригосударственное право с позиций легизма и интегративного понимания права // Российское правосудие. — 2011. — № 8.
9. Залоило М. В., Черкашина-Шмидт О. В. Интегративное правопонимание: новый подход // Журнал российского права. — 2014. — № 4.
10. Кун Т. Структура научных революций. — М., 2009.
11. Кутафин О. Е. Первый по праву / сост. И. В. Кравченко, Д. Ю. Мартынкина. — М., 2011.
12. Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. — М.: Статут, 2010. — Т. 1.
13. Марченко М. Н. Сравнительное правоведение. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2011.
14. Международный финансовый центр принесет Казахстану дополнительно до 1 % ВВП в год // Эксперт. — 2016. — № 28—29.
15. Нерсесянц В. С. Философия права. — М., 2008.
16. Новикова Р. Г. Теоретические основы правового регулирования финансовых отношений в исламском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006.
17. Нурлыбай К. А. Место правовой системы Республики Казахстан в общей типологии правовых систем современности // URL: http://www.rusnauka.com/12_KPSN_2013/Pravo/1_135727.doc.htm.
18. Синюков В. Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. — 2-е изд. — М.: Норма, 2010.

инопланетные цивилизации, которые, как считалось, неизбежно будут открыты, ведь освоение новых планет — следующий шаг после выхода первого советского человека в космос), социальной справедливости, духовности человека будущего, господства активного, созидющего разума.

³⁷ Громыко Ю. О захвате культурной гегемонии. Кто победит в борьбе за класс молодых профессионалов // Изборский клуб. Русские стратегии. 2015. № 9. С. 124.

19. Сулейменов М. К. Система права и система законодательства Казахстана: выбор пути // Юрист (казахстанский юридический журнал). — 2004. — № 4.
20. Теоретические и практические проблемы правопонимания : материалы III Междунар. конф., состоявшейся 22—24 апреля 2008 г. в РАП / под ред. В. М. Сырых, М. А. Заниной. — М., 2009.
21. Тихомиров Ю. А. Как обеспечить законность? Новый подход // Российское правосудие. — 2016. — № 8.
22. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. — М. : Норма, 1996.
23. Тихомиров Ю. А. Новые векторы регулирования — «другое право»? // Журнал российского права. — 2016. — № 4.
24. Тупаев А. В. Идеологическое государство в концепциях Э. Нольте и Н. Н.Алексеева как предмет социально-политического исследования // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 5.
25. Хаустова М. Г. Правовая система Украины среди правовых систем современности // Проблемы законности. — 2013. — № 1230.
26. Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. — 2016. — № 10.
27. Юридическая конфликтология / под ред. В. Н. Кудрявцева. — М. : Институт государства и права РАН, 1995.
28. Lazarev V. Integrative perception of law // Kazan University Law Review. — Vol. 1. — 2016. — No. 1.

Материал поступил в редакцию 27 февраля 2017 г.

CONFLICTS OF LEGAL IDEAS AND CONCEPTS: CONSTRUCTIVE AND DESTRUCTIVE ASPECTS³⁸

GOLOVINA Anna Aleksandrovna — PhD in Law, Researcher of the Department of the Theory of Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
aagolovina@mail.ru
117218, Russia, Moscow, ul. B. Chermushkinskaya , d. 34

Abstract. *In the legal sphere, the conflict often begins with a conflict of legal ideas and concepts that can be defined as a contradiction within the legal system reflected in the opposition of one legal ideas and concepts to others. The influence of conflicts of legal ideas and concepts is particularly strong in societies that can be attributed to “ideocratic.” The paper highlights the main characteristics of conflicts of legal ideas and concepts, the levels of such conflicts, their possible causes, and their constructive and destructive aspects. It is noted that some of the ideas and concepts can more or less successfully coexist, while others by their nature have to compete for the right to become dominant. As a typical example, the article discusses the conflict of legal ideas concerning the issue of which legal system should the post-Soviet countries be allocated to. The paper focuses on the competition between the following legal families in the post-Soviet space: the Romano-Germanic legal family, the Anglo-Saxon legal family, the Slavic legal family, the post-Soviet legal family, the legal family of Muslim Law, the Byzantine Legal Family, the Eurasian legal family. The author considers the competition between the legal paradigms as an example of the conflict of legal ideas and concepts at a fundamental scientific level. The paper provides the author’s classification of legal paradigms into normativism and metanormativism, justifies the existence of a paradigmatic question, the answer to which determines the allocation of a certain legal idea or concept to a certain legal paradigm. In the light of the author’s concept of legal paradigms and their competition, the paper elucidates the integrative concept of law. The paper provides two main ways of resolving conflicts between legal ideas and concepts, namely: either a concept that possesses the highest constructive potential may be chosen out of competing concepts or a new concept that combines the most positive features of all competing concepts may be developed. It is justified, in particular, that the concept of «progressive conservatism» or «retrofuturism» in a new way may consolidate the Russian society, reconcile the liberal and conservative vectors of its development. This ideology implies a comprehensive innovative development of the economy and modern technologies (as*

³⁸ The article is based on a report the author elaborated and made at the Third Problem Seminar on “Legal Conflicts: Mechanisms of Analysis and Discretion” for professors, postgraduate students and students that was held under the auspices of Doctor of Law, Prof. Yu. A. Tikhomirov at the Kutafin Moscow State Law University on April 26, 2016.

a “form” of social life), while maintaining a traditional, conservative approach to social and spiritual values (as an “essence” of social life).

Keywords: legal conflict, conflict between legal ideas and concepts, legal systems in the post-Soviet space, problems of law understanding, legal paradigms, competition of legal paradigms, integrative concept of law, normativism, metanormativism, legal ideology, progressive conservatism.

REFERENCES

1. Valery Lazarev. Integrative perception of law // Kazan University Law Review. Volume 1, Fall 2016, Number 1.
2. Alekseev S. S. Law at the turn of a new millennium: Some trends of the international legal development — the hope and drama of the modern era. Monograph. M.: Statut, 2000.
3. Vlasenko N.A. Legal Consciousness in light of the categories of certainty and uncertainty // Journal of Russian Law. 2014. No. 2.
4. Grafsky V. G. Integrated (synthesised) jurisprudence: current and not yet completed project // Jurisprudence. 2000. No. 3.
5. Gromyko Yu. On the capture of cultural hegemony. Who will win in the struggle for the class of young professionals // Izborsky club. Russian strategies. 2015. No. 9.
6. David R. Major legal systems of the modernity / Trans. from Fr. by Doctor of Law, Prof. V. A. Tumanov. M.: Progress, 1988.
7. David R., Joffre-Spinozi K. The main legal systems of modernity / Trans. from Fr. V. A. Tumanov. — M.: International Relations, 2009.
8. Delyagin M. It is the Russian word “High-Hume” // Izborsky club. Russian strategies. 2015. No. 5.
9. Ershov V.V. International and domestic law from the standpoint of legalism and integrative understanding of law // Russian Justice. 2011. No. 8.
10. Zaloilo M. V., Cherkashina-Shmidt O. V. Integrative understanding of law: a new approach // Journal of Russian Law. 2014. No. 4.
11. Kuhn T. The structure of scientific revolutions. M., 2009.
12. Kutafin O. E. The Justly First / comp. I. V. Kravchenko, D. Y. Martynkin. M., 2011.
13. Lafitskiy V.I. Comparative Law in the Images of Law. Vol.1. M.: Statut, 2010.
14. Marchenko M. N. Comparative law. 2nd issue, revised and supplemented. M.: Prospekt, 2011.
15. An International financial center will bring Kazakhstan extra up to 1% of GDP per year // Expert. 2016. No. 28-29. July 18-24, 2016.
16. Nersesyants V. S. Philosophy of law. M., 2008.
17. Novikova R. G. Theoretical foundations of the legal regulation of financial relations in Islamic Law: Abstract of the PhD Thesis. M., 2006.
18. Nurlybay K. A. The place of the legal system of the Republic of Kazakhstan in the general typology of legal systems of modernity // The electronic version article URL: http://www.rusnauka.com/12_KPSN_2013/Pravo/1_135727.doc.htm.
19. Sinyukov V. N. The Russian legal system: Introduction to the General Theory. 2nd Edition. M.: Norma, 2010.
20. Suleimenov M. K. The system of law and the law-making system of Kazakhstan: the choice of the way // Lawyer (Kazakhstan Law Journal). 2004. No. 4.
21. Theoretical and practical problems of legal consciousness: Proceedings of the III International Conference held on April 22-24, 2008, in the RAJ / Ed. by V.M.Syrikh, M.A. Zanina. M., 2009.
22. Tikhomirov Yu. A. How to enforce justice? A new approach // Russian Justice. 2016. No. 8.
23. Tikhomirov Yu. A. The course of Comparative Law. M.: NORMA, 1996.
24. Tikhomirov Yu. A. New vectors of regulation — “different law”? // Journal of Russian Law. 2016. No. 4.
25. Tupaev A. V. The ideological state in the concepts developed by E. Nolte and N. N. Alekseev as the subject of socio-political studies // Theory and Practice of Social Development. 2012. No. 5.
26. Khaustova M. G. The legal system of Ukraine among the legal systems of modernity // Problems of Justice. 2013. No. 1230.
27. Cherdantsev A. F. Integrative misunderstanding of law // Journal of Russian Law. 2016. No. 10.
28. Legal conflictology / Ed. by V. N. Kudryavtsev. M., Institute of the State and Law of RAS, 1995.